

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

УДК 304

Донских Олег Альбертович

доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления города Новосибирска

ЧЕЛОВЕК НА ПОВОДУ ТЕХНОЛОГИЙ. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ

Аннотация: В статье обсуждается проблема трансформации социального положения человека под влиянием новых технологий, в частности, все более широкого использования цифровизации. В условиях перехода от дисциплинарного общества к обществу контроля процесс рационализации многократно усиливается. Сфера управления автономизируется, и все процессы начинают подчиняться цифровому диктату. Это особенно негативно сказывается на тех сферах деятельности, которые не могут быть представлены в количественных измерениях, т.е. творческих. Так, наука оценивается и управляется с помощью наукометрии, а образование все больше подпадает под влияние технологий, основанных на внешнем управлении процессом обучения. В результате субъектность человека подвергается такому давлению, что достоинство личности оказывается под большим вопросом.

Ключевые слова: субъектность, цифровизация, общество контроля, наукометрия, фасилитация и геймификация, достоинство.

Цитирование: Донских О. А. Человек на поводу технологий. Проблема сохранения субъектности // Новосибирский временник. 2025. № 1. С.24-28.

Donskikh Oleg Albertovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Novosibirsk State University
of Economics and Management of the city of Novosibirsk.

A MAN ON THE LEASH OF TECHNOLOGIES. THE PROBLEM OF PRESERVING SUBJECTIVITY

Abstract: The article discusses the problem of transformation of the social position of man under the influence of new technologies, in particular, the increasing use of digitalization. In the conditions of transition from a disciplinary society to a society of control, the process of rationalization is multiplied. The sphere of administration and control is being autonomized, and all processes are beginning to be subject to digital dictates. This has a particularly negative impact on those spheres of activity that cannot be represented in quantitative measurements, i.e. creative ones. For example, science is evaluated and managed with the help of science metrics, and education is increasingly under the influence of technologies based on external control of the learning process. As a result, human subjectivity is under such pressure that the dignity of the individual is under great question.

Keywords: agency, digitalization, control society, science metrics, facilitation and gamification, dignity/

Citation: Donskikh O. A. Man on the Leash of Technologies. The Problem of Preserving Subjectivity // Novosibirsk vremennik. 2025. No. 1. pp. 24-28.

Проблема, которую я хотел бы обсудить, — это проблема сохранения субъектности в условиях рационализации, задаваемой используемым в самых разных областях человеческой деятельности искусственным интеллектом. Под субъектностью я буду понимать способность к самореализации, к возможности человека влиять на других. Эта способность обязательно включает в себя осознание свободы и ответственности перед собой и перед другими. В английском языке это звучит как «агентность». На самом деле формирование субъектности определяется тремя социальными процессами. Первый — это рационализация условий жизни и производства. Второй — переход от дисциплинарного общества к обществу контроля (я здесь пользуюсь термином из известной книги Хардта и Негри «Империя» [1]). Третий — это цифровизация самых разных сфер общественной и личной жизни, включая интеллектуальную и творческую деятельность.

Если коротко, то о рационализации очень красиво говорил Вебер в своем выступлении «Наука как призвание и профессия» [2], и он говорит о том, что наука прежде всего разрабатывает технику овладения жизнью — как внешними вещами, так и поступками людей путем расчета. То есть жизнь теряет магическую составляющую, а культура рационализируется — вот тот процесс, который определяет все наше движение. Этот процесс начинается давно: на самом деле он начинается с появления бюрократии еще в Месопотамии и в Египте, потом он усиливается внедрением денег, поскольку деньги начинают все переводить в одну плоскость, количественную, и, кроме того, процесс рационализации сопровождается и усиливается развитием юридической системы, которая призвана регулировать все больше и больше разного рода активностей, все глубже входя в те сферы, которые считались чисто личными. То есть это означает, что во многих случаях этические нормы замещаются и вытесняются юридическими. Хороший пример — ювенальная юстиция, когда государство напрямую внедряется в отношения между поколениями. У нас была дискуссия по поводу ювенальной юстиции, и она отразила эту ситуацию: в лобовом варианте это не прошло, но, с другой стороны, это никуда и не делось. Это отдельные вопросы, но получается, что человек постоянно попадает во все большую зависимость от бюрократических структур, которые рационально организуют человеческую жизнь. И это, вроде бы, и нормально, поскольку это их задача.

Теперь о переходе к обществу контроля. Дело в том, что капиталистическое общество (классическое) можно назвать дисциплинарным обществом, поскольку там все разделено на сферы, и в каждой сфере человек сам реализуется, и он ценится как узкий опытный специалист в определенной сфере деятельности. Вспомним, как у нас в свое время ценилось, что человек проработал столько-то лет на одном месте. Почему ценилось? Да потому, что он накапливал огромный опыт, которым он мог поделиться с другими. В обществе контроля ситуация меняется радикально, потому что профессии все время трансформируются, меняются условия, в которых человек работает; и в этом смысле накопление опыта ничего не дает, разве что учит умению приспосабливаться ко все новым и новым условиям. И параллельно идет процесс автономизации системы управления, которая выстраивается все более независимо от общественных структур. Т.е. появляется то, что называется «эффективным менеджментом», который ориентирован на качество деятельности, измеряемое объективными показателями. Этот эффективный менеджмент, естественно, ведет борьбу с субъективностью и, конечно же, с субъектностью — и тем самым с человечностью. И он побеждает, поскольку люди — существа несовершенные и не всегда они соответствуют тем образцам, которые составляют сущность усредненного человечества. Эффективный менеджмент ведь не может ориентироваться на всех, нужно подавлять индивидуальное; и в результате мы на деле оказываемся в очень интересной ситуации, потому что мы вынуждены этому процессу управления нами как усредненными членами человеческого общества подчиняться, а не искать варианты для себя.

И следующий, третий, фактор, о котором я сказал, — цифровизация, которая оказывается локомотивом, определяющим и ускоряющим те процессы, которые заданы рационализацией и переходом к обществу контроля. Ведь процесс цифровизации опирается на возможность соответствующего числового представления данных, поэтому наиболее успешно он идет в тех сферах, где легко определять количественные параметры деятельности. Но если это и нелегко, то все равно делается. В результате получается, что цифровизация все более активно используется в тех областях, где сам характер деятельности не может быть представлен точным образом. И для того, чтобы осуществлять менеджмент в этих областях, их искусственно подчиняют цифре. То есть,

если до последнего времени управление, основанное на количественных данных, касалось внешних форм человеческой жизни, то в последнее время технологии все с большей силой овладевают ментальными составляющими человеческой жизни. Они начинают активно проникать туда, где количественные параметры могут работать лишь искусственно. А собственно человеческое продолжает существовать независимо от менеджмента лишь по инерции.

В качестве примера можно взять научную деятельность. На что опирается ее внешнее администрирование? Оно опирается на количественные показатели, используя так называемую «наукометрию». Считаются количество статей, рейтинги журналов, индексы цитируемости — и так далее. И соответствующий подход состоит в том (я цитирую в данном случае Е.В. Семенова), что «Государство практически принуждает науку к производству отчетных публикационных показателей, к которым привязано финансирование проектов и организаций, надбавки научным работникам, избрание и переизбрание на должности, аттестация и переаттестация кадров в науке и образовании». То есть фактически оценка творческой деятельности, уникальной по своей сути, идет через цифру. Ведь иначе сопоставить научные результаты невозможно: они качественные. Конечно, количество статей — это некоторый показатель активности, но не более того. Но это то же самое, что сравнивать писателей по количеству написанного. И тогда автор примитивных детективов оставит далеко позади любого классика. Ученый поставлен в ситуацию, когда он должен печатать гораздо больше текстов, чем способен по-настоящему продумать. Соответственно, это снижает не только качество публикаций, но и самооценку ученого, который чувствует этот внешний неумолимый пресс. Кроме того, внедрение системы антиплагиата изначально подразумевает возможную недобросовестность, которая раньше просто контролировалась научным сообществом. Ведь, если человек попадался на плагиате, он переставал быть членом научного сообщества, его автоматически исключали — и все. А сейчас благодаря системе «Антиплагиат» плагиат становится «нормальным»: есть система, если ты ее обманул — так ты молодец. И к этому приучают студентов. То есть получается, что люди учатся не только тому, как делать науку, но и как обходить возможные негативные результаты антиплагиата. А о чем здесь, по сути, идет речь? Это снижение личной ответственности. Тогда о каком нравственном уровне

научного сообщества можно в этих условиях дальше говорить вообще?

Далее. Если нейросети лучше большинства и гораздо более профессионально, чем начинающие, скажем, исследователи (кстати говоря, это уже совсем не забавно), сочиняют научные статьи на любые темы, то в океане возможных текстов субъектность просто таит. И в этих условиях ливневого дождя текстов доказать какую-то новизну и оригинальность становится практически невозможно. Известно, что Джеффри Хинтон (его называют «крестным отцом» искусственного интеллекта) в качестве одной из самых больших бед современности называл то, что возникает очень много лжи в существующем информационном пространстве. И практически отличить эту ложь от правды становится невозможно. Куда мы вообще идем — это отдельная тема, и крайне болезненная, и интересная.

Следующий момент — это внедрение цифровизации и вообще внедрение разнообразных обучающих технологий в образование. Здесь, я считаю, ситуация уже абсолютно невыносимая или, мягко говоря, очень тяжелая. Дело в том, что предлагаются новые подходы к обучению, включая так называемые адаптивные образовательные технологии, где обучающие программы настраиваются под индивидуальные особенности и потребности каждого учащегося. И с восторгом педагоги-методисты (т.е. те, кто сами не преподают, а учат других, как это делать), особенно молодые и неопытные, идут в этом направлении с убеждением, что они якобы работают на улучшение процесса образования. В этой перспективе у нас почему-то «светится» не Академия образования, а Сбербанк, который недавно заговорил об этике. Но при этом именно Сбербанк создает цифровые классы в огромных количествах, абсолютно не отдавая себе отчета, каким образом психологически это работает, что происходит с человеком, с его психикой в этих условиях. И тогда возникает вопрос: вот куча онлайн-курсов разного рода, и в конечном итоге лектор вообще превращается во что-то ненужное, а лекции онлайн «аватары» умеют читать уже лучше любого лектора. Можно ли говорить, что в этих условиях формируется самобытная личность с ярко выраженной субъектностью?

Есть платформа информационно-открытого образования. Она организована таким образом, что человек постоянно контролируется системой извне. Эта система ему подсказывает, куда двигаться. Она решает за него, что ему подходит, а что не подходит. Если он подустал,

она ему дает что-то полегче. И т.д. Но, если разобратся, то вообще о чем идет речь? О каком в принципе самостоянии личности дальше можно говорить, если человек воспитан такой системой? Ведь для формирования характера, для поиска собственной индивидуальности, естественно, нужны серьезные усилия по преодолению трудностей, иначе это просто не формируется. Необходимо умение выдерживать большое напряжение, учиться заниматься рутинной. Если вас от этого освобождают, так что остается для человека, в принципе?

Возьмем современные педагогические теории, которые строятся на том, что называется «фасилитация» и «геймификация». Мы в игре, все постигается проще и легче — полная радость бытия. Разве такое образование и воспитание готовит человека к самостоятельной жизни? Есть такой портал Oxford Analytica, там говорится о том, что геймификация дает ученикам четыре вида свобод. Первая — свобода добровольно прилагать усилия. Вторая — свобода потерпеть поражение. Третья — свобода экспериментировать. Четвертая — свобода двигаться вперед по собственному желанию. Все хорошо, но ключевой свободы здесь нет. А ключевая свобода — это свобода самореализации, которая может быть испытана лишь в условиях самостоятельной постановки и самостоятельного решения жизненных и других задач. То есть только на этой свободе может основываться то, что называется достоинством. Ведь человеческое достоинство формируется в результате мощных внутренних усилий, волевых усилий по реализации собственной свободы, но никак не чего-то другого. Не может сформироваться достоинство по подсказкам извне, в облегченных ситуациях и играх.

Еще один пример, о котором очень любят говорить. Сейчас разрешили пользоваться калькуляторами на экзаменах, чтобы человек, не дай Бог, сам не посчитал какие-то простые вещи, поскольку это отнимает время от творчества. За этим стоит убеждение, что необходимо как можно больше освобождать человека от выполнения рутинных операций, которые нужно отдавать машинам, — а человек будет заниматься творчеством. Замечательно. Но можно ли требовать оригинальности и творческой новизны от человека, который не освоил никаких азоров даже того мастерства, где от него ждут этой оригинальности и новизны? О каком творчестве на экзаменах после идет речь? Это полная нелепость, вообще говоря. Школа нужна, чтобы выйти на какой-то минимальный уровень владения соответствующими навыками, соответствующий уровень эру-

диции и мышления, и так далее. А если кто не может делать рутинных операций, то он и ни к каким творческим операциям не будет готов: он просто не сможет их реализовать. Мы это хорошо видим в искусстве, когда можно просто что-то наляпать — и вот вам «Как здорово!» (про ослиный хвост мы помним из истории живописи, когда ослик «написал картину» кистью, привязанной к его хвосту).

На самом деле за творческие выдаются имитативные практики. И, соответственно, здесь возникает очень серьезная проблема, связанная с использованием программы, которая называется «Чат GPT». Это потрясающее изобретение. Оно, в отличие от поисковых программ, помогает в составлении текстов на разные темы, оно общается с тобой, задает вопросы и т.д. И, конечно же, студенты начали эту систему активно использовать, тем более, что она все время совершенствуется. Надо заметить, что, когда некоторое время с этой программой общаешься, возникает очень странное ощущение — «чувство общения с усредненным человеком». Конечно, программисты постепенно это исправят, то есть там, возможно, будет имитация личности; но, по крайней мере, сейчас это так. Возникает вопрос: можно ли утверждаться в собственной субъектности, общаясь с существом, которое уже обладает субъектностью, в ряде аспектов превосходящей нашу собственную? Конечно же, чат GPT знает гораздо больше, поскольку ему доступна вся информация из Интернета, т.е. он владеет совершенно немислимим для нас объемом данных. И гораздо быстрее, в миллионы раз быстрее нас, он этой информацией оперирует. И, если мы общаемся с такой программой (а по ощущению — с таким «существом»), то мы можем приобрести, как минимум, комплекс неполноценности. И если использование смартфонов уже привело к тому, что поколения «зумеров» и «альфа» не могут почти ничего запомнить, и вдобавок у них проблемы с воображением, то какое влияние на человеческую психику окажет использование нейросетей? Тогда становится понятным, почему правы трансгуманисты, которые считают, что мы, действительно, просто переходный этап эволюции. И на следующем витке эволюции нас, несовершенных, заменят киборги. Мы в чем-то превзошли австралопитеков, а наши создания превзойдут нас. И это нормально.

Макс Шелер, создатель философской антропологии, начинал с того, что человек — единственное существо, которое способно смотреть на себя со стороны. А в цифровом

мире он начинает смотреть на себя немигающими глазами машин, и именно они начинают формировать его представление о самом

себе. Но, разумеется, они не могут сформировать субъектность человека, поскольку это делается только им самим.

(по материалам форума молодых ученых-гуманитариев «Перспективы развития искусственного интеллекта: гуманитарный аспект» прошедшего в рамках форума-выставки «Учебная Сибирь — 24» (25 октября 2024 г., г. Новосибирск))

Список литературы

1. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 440 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Семенов Е.В. Европа отказывается от тупиковой научной политики, Россия продолжает подражать европей-
- скому прошлому // Управление наукой: теория и практика. Том 5. № 3. 2023. С. 10-13.
4. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения. М.: Издательство Гнозис, 1994. 490 с.

References

1. Xardt M. Imperiya / M. Xardt, A. Negri. M.: Praksis, 2004. 440 s.
2. Veber M. Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbranny`e proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
3. Semenov E.V. Evropa otkazy`vaetsya ot tupikovej nauchnoj politiki, Rossiya pro-dolzhaet podrazhat`
- evropejskomu proshlomu // Upravlenie naukoj: teoriya i prak-tika. Tom 5. № 3. 2023. S. 10-13.
4. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose // Sheler M. Izbranny`e proizvedeniya. M.: Izdatel`stvo Gnozis, 1994. 490 s.